

УДК 930.85 (479) «1840/1850»
DOI <https://doi.org/10.32838/2663-5984/2019/3.31>

Захарова О.Ю.

доктор исторических наук, профессор

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ И ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАВКАЗА 40–50-Х ГОДОВ XIX СТОЛЕТИЯ

Аналізуються особливості культурного життя Кавказу 40–50-х років XIX століття в контексті взаємодії елементів східної та європейської цивілізації. Важливе місце в дослідженні відводиться діяльності в регіоні князя М.С. Воронцова, який, будучи з 1823 року генерал-губернатором Новоросійського краю і Бессарабської області, був призначений в кінці 1944 року кавказьким намісником.

М.С. Воронцов належить до числа видатних державних діячів свого часу, вивчення біографій яких дозволяє інакше подивитись на давно відомі історичні факти, в тому числі на взаємовідносини місцевої еліти з представниками центральних органів влади.

Розглядається діяльність на Кавказі відомих європейських вчених: професора Дерптського університету Г.В. Абіха, який здійснив у 1845 році сходження на Арарат; автора «Чеченського букваря» (Тифліс, 1866) І.А. Бартоломея; сходознавця Н.В. Ханикова, записка якого про вивчення мов і діалектів Кавказу була удостоєна в Парижі великої золотої медалі Географічного товариства.

Дається опис народних свят, що проходили в Тбілісі, – тамаші (кулачні бої) і ксеноба (карнавал), і світських церемоніалів – балу грузинського дворянства в 1850 році, прийому в Ечміадзинському монастирі з нагоди приїзду на Кавказ спадкоємця престолу.

На цей час нам невідомі окремі дослідження, присвячені цій проблемі.

У роботі проаналізовано праці А.Д. Єршова, Т.Р. Квірквелія, а також використані спогади князей А.А. Дондукова-Корсакова, В.В. Соллогуба, М.П. Щербініна.

Ключові слова: Кавказ, культура, Європа, Схід, діяльність М.С. Воронцова.

Кавказ хранит на своей земле следы глубокой древности. Почти все народы Старого Света, передвигаясь из Азии в Европу, оставляли на Кавказе поселения, которые, смешиваясь между собой и местными племенами, образовали множество типов языков. «Многоязычный Кавказ», «муравейник народов» – так называли эту землю. Могущественные нации древности – финикийцы, египтяне, греки, римляне, арабы – стремились основать здесь колонии и, поселившись, распространяли среди жителей своих языки, нравы, верования. Поэты, писатели древних времён воспевали красоты этой земли, храбрость, свободолюбие её обитателей.

К началу 40-х годов XIX столетия Россия на протяжении нескольких десятилетий вела на Кавказе непрерывные военные действия. «Закавказская Россия», состоящая из народов, имеющих различный общественно-экономический уклад, требовала выработки более глубокой и действенной административной системы.

В конце 1844 года кавказским наместником был назначен генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской области князь М.С. Воронцов.

Передав управление Новороссийским краем генерал-лейтенанту Фёдорову, граф Воронцов отправился к месту своего нового назначения и 25 марта (по старому стилю) 1845 года он прибыл в Тифлис.

В контексте поставленной цели исследования – изучении взаимодействия европейских и восточных традиций – представляется актуальным анализ деятельности М.С. Воронцова по так называемому нравственному освоению Кавказа, в частности, влияние Воронцова и членов его ближайшего окружения на развитие культурной жизни Тифлиса.

Будучи административным центром Грузинской губернии (с 1846 года Тифлисской), Тифлис являлся центральным пунктом на Кавказе по закупке сырья и реализации продуктов. Через Тифлис Россия устанавливала дипломатические и торговые отношения со странами Востока. Французский консул Гамба, находившийся в городе в 20-х г. XIX столетия, писал: «В Тифлис в один и тот же день приезжают негодяи из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне

из Смирны, езиды и узбеки из Бухары, так что этот город может посчитаться главным узловым пунктом между Европой и Азией» [5, с. 45].

В Тифлисе европейские обычаи преломлялись сквозь призму местных традиций. Фрак и чоха, чепчик и чадра, караван и карета, итальянская ария и строгая грузинская полифоническая песня, полонез и лезгинка, европейские магазины и восточный базар.

Став после присоединения Грузии к России резиденцией главнокомандующих кавказской армией, Тифлис повидал многое и многих. В разные периоды город становился резиденцией генералов Кноринга 2-го, князя Цицианова, графа Гудовича, Ртищева, Ермолова, Нейндгардта и других.

Разумеется, каждый из главнокомандующих занимался делами гражданского устройства Кавказа, но в целом их деятельность была связана с проведением военных операций в регионе.

Согласно воспоминаниям современников, с приездом М.С. Воронцова в Тифлис жизнь города начала приобретать иной склад и характер, отличный от прежнего.

Учёные, военные, чиновники, художники, литераторы, прибывая в то время на Кавказ, в большинстве своём останавливались в Тифлисе, в резиденции наместника.

Воронцов умел приближать людей способных, трудолюбивых и исполнительных. «От самого обнищавшего туземца до гордяливой княгини, ведущей свой род от царя Давида, все невольно покорялись воронцовской обаятельности и умению приласкать и покорять людей <...>. Общество русское, хотя тогда ещё небольшое, было тем не менее в Тифлисе избранное, общество туземное <...> с каждым днём всё более и более примыкало к нему» [7, с.513–514].

Люди, прибывшие с князем в 1845 году в Тифлис и приезжающие впоследствии из столиц, вносили в жизнь города новые понятия, новые взгляды. Европейская культура постепенно начала теснить патриархальную обстановку. Модистки из Одессы и Парижа прививали вкус к европейским туалетам, постепенно заменяющим грузинские чадры и шёлковые платья. Куафер Влотте открывает огромный магазин и модное ателье. «На левом берегу Куры образовывались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего <...>. «Князь и княгиня давали пример своею домашней обстановкой простоты и не

особенной изысканности. В доме главнокомандующего оставалась та же казённая меблировка, стол князя, всегда, впрочем, вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское, в походе же и в дороге князь решительно ничем особенно не отличался от прочих, разве только в размерах широкого своего гостеприимства и обаяния своего простого и приветливого со всеми обращения <...>. Именно вследствие естественной простоты его всякий сознавал невольно, что он принадлежит к другому высшему кругу, как по понятиям, так по нравам и привычкам прошлого» [2, с.168–169].

На Кавказе среди лиц, составлявших окружение М.С. Воронцова, было немало замечательных учёных-исследователей, оказавших своими трудами неоценимую пользу краю. Среди них известный нумизмат Иван Александрович Бартоломей, не жалевший ни средств, ни времени на поиск и покупку монет, автор «Чеченского Букваря» (Тифлис, 1866). Иван Александрович собирал также коллекции насекомых. Князь А.А. Дондуков-Корсаков вспоминал, как в 1851 году, находясь в походе с отрядом за Кубанью, на реке Белой, И.А. Бартоломей собрал коллекцию насекомых, которых хранил в жестяных кружках и в крепком спирте, в своей палатке. Коллекция существовала недолго, во время одного из визитов к исследователю гости почувствовали неприятный запах в его палатке, оказалось, что казаки выпили весь спирт, хранивший ценные экспонаты, хозяин долго не мог прийти в себя от бешенства, гости же не могли удержаться от смеха.

Среди учёных, долгое время проживших на Кавказе, был также академик Г.В. Абиш, профессор Дерптского университета, совершивший в 1845 году восхождение на Арарат и ставший в 1853 году академиком за описание Кавказского края. Генерал-лейтенанту И.И. Ходзько Кавказ обязан организацией топографических работ в крае.

Воспитанник Царскосельского лицея Н.В. Ханыков приехал в Тифлис в конце 40-х годов, изучив самостоятельно восточные языки, был хорошо знаком с восточной литературой, географией. Его записка об изучении языков и наречий Кавказа была удостоена в Париже большой золотой медали Географического общества.

При всём уважении к историческому прошлому городов современное их лицо определяют личности, которые пользуются наибольшим уважением современников. В то время в Тифлисе почитались дома князей Орбелиани и Чивчавадзе,

Г.В. Абиha, Н.В. Ханькова, И.И. Ходзько. Тех, кто с честью служил этой многострадальной земле, измеряя свою любовь к ней количеством добрых дел, свершённых для её блага.

Особым гостеприимством славился дом князя Александра Чавчавадзе – сына последнего грузинского посла при русском Дворе, участника Отечественной войны, впоследствии генерал-лейтенанта, члена Совета главного управления наместника. Он более известен как замечательный грузинский поэт и отец прекрасного семейства, старшая дочь его Нина была женою Грибоедова, вторая – Екатерина – замужем за владельцем Мингрелии князем Давидом Дадиани. После смерти мужа в 1853 году она была назначена правительницей и принимала участие в борьбе с турками, осталась союзницей России, несмотря на выгодные условия, предложенные ей султаном. Третья дочь, София, стала женою барона А.П. Николаи, бывшего в 1848 году директором походной канцелярии наместника, ставшим в будущем членом Государственного совета, а в 1881 году – министром народного просвещения.

Княжеский род Орбелиани переселился из Китая в Грузию за 600 лет до Рождества Христова. Князья Орбелиани были наследственными генералиссимусами грузинских войск и во время коронации возлагали на царя корону. В XII столетии почти вся фамилия Орбелиани была истреблена. Хорошо известно, что истинные потомки аристократических родов отличались особенной аристократической простотой и великодушием. В описываемое время уважением пользовался дом Дмитрия Орбелиани, умная и весёлая жена которого княгиня Мария Ивановна умела соединять общество.

Интересна и драматична судьба князей Орбелиани. Князь Илико Орбелиани находился восемь месяцев в плену у Шамиля, захваченный в 1842 году, он пал геройской смертью при Баш-Кадышляре. Отец князя был в плену у персиян.

Тифлис 40-х и 50-х годов жил удивительно насыщенной, по-восточному колоритной жизнью. В числе оригинальных личностей того времени барон А.К. Майндорф, необыкновенно светский и любезный человек, постоянно создающий невозможные проекты в области торговли, финансов и промышленности. Желая воплотить свои проекты, он изъездил весь Кавказ, решил очистить русло Куры для устройства пароходного сообщения и, несмотря на годы и лихорадку, активно принялся за дело.

Самобытной личностью Тифлиса был и англичанин Сеймур. Он ехал в Персию и должен был

задержаться в Тифлисе на пять дней, а вместо этого оставался на Кавказе три года, не давая о себе никаких известий, родственники разыскивали его через князя М.С. Воронцова. Сеймур отправился в Ереван и, найдя там попутчиков, взобрался на Арарат, на вершине которого написал своё первое письмо в Англию.

Сохранение народных традиций – это сбережение души народа, его неповторимости, как бы ни удивительны они казались для тех, кто получил европейское образование и был непривычен к подобным действиям. Но, видимо, талант администратора и состоит в умении анализировать события, находить их истоки и причины возникновения, помня, что управлять – значит предвидеть. С древних времён в Тбилиси устраивались так называемые тамашы (кулачные бои). В них участвовали люди не только всех сословий, но и разных возрастов. В первое время после присоединения Грузии к России в Тбилиси тамашы были запрещены, но с прибытием князя Цицианова, благодаря просьбам жителей, тамашы разрешили. «Князь Цицианов сам выезжал на оные, не столько потому, что в нём текла грузинская кровь, как потому, что он считал сей обычай свойственным здешним характерам и приличным народу воинственному, окружённому повсюду неприятелями и в котором личная смелость и молодечество всегда нужна была для поддержания необходимого воинствующего духа» [1, с. 826].

Воронцов предлагал во избежание беспорядков вынести тамашы за пределы города, где больше простора и нет общественных зданий, могущих пострадать. Это предложение поддержал император Николай Павлович: «За городом дозволять, но с тем, чтобы, кроме рук, других орудий в драке не употреблять и всегда под надзором полиции, и кончать по данному от оной знаку, когда слишком разгорячатся» [1, с. 827].

Среди народных праздников особенной любовью пользовался в Тифлисе массовый шумный карнавал – ксеноба. Он проводился в следующий за Масляницей понедельник и был последним всплеском веселья перед Постом. В XIX столетии считалось, что празднование ксеноба связано с победой грузинских войск над персами, которые сначала захватили город, но впоследствии были разбиты, причём персидский шах попал в плен. Он был переодет в шутовский наряд, и его с вымазанным сажей лицом возили по городу. Тифлисцы стали устраивать праздничное действо, представляя в игре эпизоды борьбы с персами. Воронцов любил ксеноба, встречая во дворце процессию с мнимым шахом, бросал в толпу горсти серебра.

Тифліс того времени был наполнен молодыми военными, по разным причинам желавшими служить на Кавказе под началом Воронцова. Многие из них никогда не вернутся в Россию, другие же, спустя время, займут высокие посты в государстве.

«Для окружающей его молодёжи и приближенных, – вспоминал князь Дондуков-Корсаков, – нельзя было вообразить себе более снисходительного, внимательного и доброго начальника. Все шалости молодёжи, разумеется, не имеющие характера ни буйства, ни явного неприличия, встречали скорее в нем симпатичный интерес к проявлению молодости, чем взыскательное отношение начальника к своим подчинённым» [2, с. 139].

Однажды Дондуков-Корсаков зашёл поужинать в клуб, расположенный на площади перед домом главнокомандующего. К зданию клуба примыкал сад, в котором он нашёл князя Васильчикова и двух-трёх приятелей, ужинающих на открытом воздухе.

Молодые люди решили, что для услаждения слуха следует послать за оркестром. Менее чем через час 60 музыкантов развлекали в саду нескольких русских офицеров. Затем процессия отправилась гулять по городу, устраивая серенады своим товарищам.

Проснувшись в первом часу ночи от неимоверного шума, М.С. Воронцов приказал камердинеру разобраться, в чем дело. Узнав о происходящем, он не только запретил тревожить собравшихся, но даже говорить, что они его разбудили, сказав при этом: «Слава Богу, что моя молодёжь довольна и веселится».

М.С. Воронцов всегда принимал участие даже в частных делах его приближенных. Князь никогда не отказывал в помощи нуждающимся, причём делал это с присущим ему тактом.

Всеобщим уважением пользовался среди офицеров комендант Тимергоевского укрепления на правом фланге на Лабе полковник Гениг. Этот человек имел большое влияние на соседние с укреплением черкесские племена. «Его справедливость, честность, в случае нужды боевая энергия, а главное – знание характера населения и широкое гостеприимство были известны почти всем черкесам правого фланга. Он никогда не изменял данному слову, и часто немирные князья приезжали к нему судиться или советоваться по своим частным внутренним делам» [2, с. 143–144].

Полковник Гениг, согласно восточным обычаям, одарял гостей богатыми подарками. Выполняя местные обычаи, ему приходилось жить не по

средствам и тратить значительные суммы на приёмы. М.С. Воронцов хорошо знал и ценил Генига. Услышав о его затруднениях, он приказал отправить полковнику 4 000 рублей из своих собственных средств. Честь старого офицера была спасена.

Здесь нельзя не вспомнить ещё об одном известном поступке Воронцова. Оставляя Францию в 1818 году, М.С. Воронцов, будучи командующим Русским оккупационным корпусом, заплатил все долги не только офицеров, но и нижних чинов корпуса – примерно один миллион франков собственных денег, дабы никаких претензий у французов не было.

Своеобразным центром для молодых офицеров были квартиры князей Васильчикова, Дондукова-Корсакова и Кочубея. «Наша квартира, – писал Дондуков-Корсаков, – считалась каким-то сборным пунктом всего нашего кружка: у нас совершались проводы отъезжающих в поход товарищей, обеды и встречи благополучно возвратившихся из экспедиции, у нас составлялись все предложения различных пикников, увеселений, всех шуток и школьничеств, на которые всегда так отечески смотрел князь Воронцов» [2, с. 182].

Молодые люди придумывали различные фарсы, привлекая к себе внимание всего города.

Однажды офицеры распустили по Тифлису слух, что намерены дать на холостяцкой квартире бал знакомым дамам. В условный день, осветив нижний этаж дома лампами и канделябрами и подняв шторы окон, вся молодёжь собралась в мундирах и фраках, причём некоторых офицеров нарядили в европейские и грузинские дамские туалеты. «Дамы с усами» сидели спиной к окнам. Бесподобен был в бальном наряде поручик Ф.Л. Гейден (впоследствии начальник главного штаба). Весь вечер гремела музыка, многочисленные экипажи подкатывали к парадному подъезду, у дверей которого для соблюдения порядка дежурили городовые и жандармы. На другой день весь город говорил об этом празднике. При этом офицеры лично посетили с объяснениями дома хозяек, которых они представляли на бале.

В другой раз молодые люди устроили мнимый въезд в город персидского посланника, которого с огромной свитой представлял князь Кочубей. Навстречу ему выехал полицейский с переводчиком и произнёс приветственную речь. Были также ночные серенады с хором под окнами мирных жителей. Эти шалости происходили в перерывах между военными экспедициями, из которых возвращались не все. И нужно отдать должное обществу, которое с пониманием относилось к этим

проявлениям безудержной молодости, снисходительно и добродушно прощая молодых людей. «Замечательно, – отмечал Дондуков-Корсаков, – что общество тифлисское, несмотря на отдалённость свою от Петербурга, а может быть, и вследствие этой отдалённости, не имело того характера местной провинциальной жизни, которая существовала и существует доселе во всех прочих провинциальных городах обширного нашего царства. Не было тех мелких интриг, тех сплетен, которые делают невыносимой нашу жизнь в провинции» [2, с. 184].

Воронцов был противником проведения военных операций, действий на Кавказе, считал, что только развитием в регионе культуры и экономики возможно сближение его с центральными регионами Империи.

Тифлис, как столица края, стал для многих вторым домом, где, находясь между походами, хотелось вспомнить и приблизиться к тому дорогому, что осталось в России.

25 сентября 1850 года в Тифлис прибыл наследник. На другой день приезда в честь Его Высочества был дан торжественный обед у князя М.С. Воронцова, а вечером – большой бал у Елизаветы Ксаверьевны. 27-го числа Наследник присутствовал на бале грузинского дворянства, состоявшемся за городом, в Ортачалах, в саду Н. Тершмавонова. «В 9 часов вечера губернский предводитель дворянства ген.-м. Кн. Орбелиан, с почётнейшими князьями, встретил Государя Наследника в воротах сада, а хозяин оногo, восьмидесятилетний старик Тершмавонов, по древнему грузинскому (восточному) обычаю, подослал под ноги Августейшему посетителю богатый парчевой ковёр (пиандаз). По обе стороны виноградной аллеи, среди яркой зелени листьев коей и золотистых гроздей спелого винограда светились тысячи разноцветных фонарей, стояли в два ряда князья и дворяне всех уездов Тифлисской губернии. По этой аллее Государь Цесаревич был введён в залу, сооружённую в мавританском вкусе, собственно для этого торжественного случая. В зале уже находились: Персидский принц Бехмен-Мирза с сыновьями, дамы в великолепных уборах и почётнейшие лица города» [4, с. 13–14].

Бал открылся европейскими танцами, которые вскоре сменились национальными. Блистательный фейерверк прервал танцы.

Огненные декорации на противоположном берегу реки Куры сменяли одна другую. Наконец вспыхнул щит с вензелевым изображением Августейшего гостя. Одновременно небо рассеяли

ряды огромных огненных снопов, рассыпавшихся сверху букетами блестящих и разноцветных звёзд. Потом снова начались танцы, продолжавшиеся до полуночи.

В одной из аллей парка был накрыт на возвышении так называемый европейский стол; перед ним, на коврах, разостланных на земле, разместились более 200 грузинских князей и дворян. Началось пиршество по древним обычаям Грузии.

Наследник Престола сначала удостоил вниманием этот пир. Под крики «Ура!» Его Высочество прошёл между двух рядов пирующих и затем занял место за столом в беседке с почётными гостями праздника.

В конце ужина губернский предводитель дворянства провозгласил тосты за здоровье императора, потом за здоровье наследника. Местные и полковые хоры музыкантов исполнили «Боже, Царя храни», а крики «Ура!» собравшегося вокруг народа потрясали окрестности. Наследник Престола в свою очередь провозгласил тост в честь грузинского дворянства. В час пополуночи Его Высочество ещё раз поблагодарил присутствующих и был провожаем до экипажа всеми знатными гостями церемониала.

На следующий день, в 8 часов вечера наследник посетил торжественный приём, организованный для него обществом тифлиских граждан – армян, в Караван-сараях Арцруни (рядом с Сионским собором).

Между групп пирующего народа были разложены разнообразные товары; в других лавках разыгрывались импровизированные комедии.

Из ротонды, куда пригласили высокого гостя, открывался прекрасный вид на двор Караван-сарая, иллюминированный китайскими фонариками, светившими сквозь цветы и зелень деревьев, обвитых виноградными лозами. В фонтане плескалась рыба, а на площади играла музыка. Над карнизом крыши блеснул транспарант с вензелевым именем наследника.

Посетив так называемые тёмные ряды, где лавки и стены были увешаны богатыми материями, и провозгласив тост в честь граждан, Цесаревич возвратился в Караван-сарай, внутренние залы которого были убраны с роскошью; золотая парча покрывала своды, шитые шелками по сукну, ковры украшали стены, дорогие турецкие шали драпировали фестонами карнизы, а бархатные диваны окружали гостиные.

Выйдя на балкон, наследник увидел поистине сказочное зрелище: весь скат Авлабарской горы был очерчен огненными линиями, Кура, освещён-

ная заревом, воды её переливались золотым цветом, и на крутящихся водоворотах показывались иллюминированные плоты с танцующими на них лезгинку зрителями праздника.

Поблагодарив граждан Тифлиса за приём, наследник в 12 часов ночи отправился в дом главнокомандующего.

По удалении высокого гостя Караван-сарай был открыт для всех желающих, и сотни любопытных угощались в нем до 3 часов ночи, а на Армянском базаре народ пировал до рассвета.

29 сентября цесаревич выехал из Тифлиса. 1 октября, в Ванкском армянском соборе была отслужена Божественная литургия. После молебствия духовенство отправилось на монастырский двор, где архиепископ Минас освятил столы с пищей для 1 500 человек бедных людей, собравшихся у врат храма. Священник Патканов объявил им причину торжества. Почётные граждане разносили нуждающимся вино, хлеб, зелень, мясо. На молебне присутствовали тифлиссский военный губернатор и другие высокие гости.

Наследник престола посетил Эчмиадзинский монастырь. За 200 сажен перед северными воротами обители он был встречен многочисленным духовенством монастыря, в полном облачении, с крестом, хоругвями и образами, и при пении священных гимнов и колокольном звоне Его Высочество, идя рядом с Патриархом Нерсесом, вступил по золотой парче в монастырь и в собор.

Отслушав краткий молебен, цесаревич прикладывался к иконе святого Копия и мощам угодников.

Из церкви наследник отправился в палаты Патриарха, где для него были отведены специальные комнаты.

В девятом часу вечера состоялся обед на 16 кувертов. По правую сторону от цесаревича сидел Нерсес с двумя архиепископами, по левую – князь В.О. Бебутов и другие. После обеда цесаревич и Патриарх кушали кофе в отдельном кабинете и почти до 11 часов вели беседу на русском языке.

На другой день, 7 октября, после литургии Его Высочество осматривал древности Эчмиадзинского храма и прикладывался к святым мощам апостолов и других угодников. Посетив трапезный зал, помещение Эчмиадзинского Синода и древнюю монастырскую библиотеку, наследник пил чай у Патриарха, после чего, поблагодарив Его Святейшество за приём, цесаревич отправился в Эривань.

Эчмиадзинский приём был подробно описан Патриархом в письме к княгине Воронцовой, на

что княгиня отвечала: «Муж мой, совершив в течение нынешнего года два раза объезд почти целого края, вверенного его управлению, возвратился в совершенном, слава Богу, здравии. Мы с восхищением узнали о прекраснейшем приёме, сделанном вашим св-ством Государю Наследнику, и душевно сожалели, что не могли быть оному свидетелями. Графиня Шуазель преисполнена чувствами живейшей признательности за драгоценную вашу о ней память. Она вместе со мною, с мужем моим и сыном испрашивает вашего, милостивый архипастырь, благословения. Кн. Елисавета Воронцова» [4, с. 52].

В свою очередь князь М.С. Воронцов писал Патриарху Нерсесу от 29 декабря 1850 года: «... Его Императорское Высочество с восхищением говорил об Эчмиадзине и о вашем там приёме» [4, с. 59].

В программе нравственного освоения Кавказа Воронцов умело использовал народные традиции и светские церемониалы. Как отмечал М.П. Щербинин, устраиваемые наместником в Тифлисе еженедельные вечера, балы и концерты имели цель «<...> слияние туземцев с русскими и уничтожение <...> враждебной розни, искони существовавшей между <...> обитателями Кавказа <...>» [6, с. 100].

Расходы на проведение светских церемониалов осуществлялись не за счёт казённых, но личных средств князя.

В 1845 году доходы Закавказского края достигали 1 649 151 рубля; в 1849 году – примерно 2 000 000 рублей, а в 1852 году — 6 226 492 рублей [6, с.103].

С первого года своего пребывания в Тифлисе Воронцов занимался его благоустройством.

Город рос – если к 1835 году он насчитывал 25 000 жителей, то в 1847 году, население его составляет 43 862 человека.

Воронцов – инициатор многих градостроительных преобразований. Тифлис хорошел. Большая часть его покрывается мостовыми. Вдоль северной городской стены (по линии будущей Мухранской улицы) строится крепостной бульвар. Недалеко от последнего в 1867 году будет воздвигнут памятник светлейшему князю М.С. Воронцову. Император Александр Николаевич утвердил ходатайство князя А.И. Барятинского о сборе добровольных пожертвований на памятник М.С. Воронцову. Сам государь внёс три тысячи рублей. В 1867 году памятник был открыт, как признание заслуг человека, покинувшего в 1854 году Кавказ, и о котором, как об истинно

государственном деятеле, можно судить по тем делам, по той пользе, которую он принёс своей деятельностью на Кавказе.

Поведение человека в традиционной культуре регламентируется целым рядом механизмов, которые сложно взаимодействуют друг с другом. И для мусульман, и для христиан присущ синтез светского и религиозного права.

Система моральных установок, определяющих характер общения у разных народов, включает набор универсальных ценностей: понятия чести, достоинства, скромность и другие. Но для ряда мусульманских народов Кавказа иерархия ценностей имеет свои особенности. Так, почитание родителей, весьма слабо выраженное у европейских народов, занимает одну из верхних строк в мусульманской системе моральных ценностей. Независимо от положения в социальной системе, в экстремальной ситуации определяющими будут такие качества, как достоинство и честь.

Многое изменилось в крае после Воронцова. Граф В.А. Соллогуб, будучи на Кавказе во время наместничества великого князя Михаила Николаевича, отмечал, что в эти годы уже не было в крае «<...> той задушевности, того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове <...>» [7, с.514].

В 1871 году граф Соллогуб занимался подготовкой праздника по случаю приезда на Кавказ наследника цесаревича и великого князя Александра Александровича. В.А. Соллогуб решил возобновить в Кутаисе торжество, которое он видел в

Каире в 1869 году по случаю открытия Суэцкого канала в честь императрицы Евгении и императора Франца-Иосифа. При этом Соллогуб решил придать празднику местный колорит, включив в него джигитовку, русские хороводы и т. д.

В 1871 году за несколько дней до отъезда графа Соллогуба из Тифлиса друзья-воронцовцы последний раз собрались вместе.

Как ни парадоксально это может показаться, но с окончанием военных действий Кавказ потерял некий ореол романтичности, притягательность для творческих личностей, которые он имел при Воронцове. Соллогуб написал по этому поводу:

Не смею выразить я вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух.
Теперь... чиновником воняет... [7, с. 514]

Помимо опытных служащих, находившихся с ним долгие годы, М.С. Воронцов сумел привлечь на Кавказ молодых образованных людей. На Кавказе под началом М.С. Воронцова служило немало замечательных и незаурядных личностей.

В результате исследования выявлено, что на Кавказе (в указанный период) происходило взаимодействие и взаимообогащение европейской и восточной культур во многом благодаря именно субъективному фактору, а именно, личности М.С. Воронцова, опытному политику, дипломату, одного из образованнейших людей своего времени, который сумел завоевать уважение представителей практически всех слоёв общества.

Список литературы:

1. Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией. Тифлис. 1885. Т. X. 982 с.
2. Воспоминания князя Донцова-Корсакова. Старина и новизна. Санкт-Петербург, 1903. Кн. 6. С. 139–184.
3. Гудин А. «Непросто думать о Хаджи-Мурате». Санкт-Петербург : Родина, 1994. № 3–4.
4. Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь Михаил Семёнович и княгиня Елисавета Ксавериевна Воронцовы, в частной переписке. Тифлис, 1898. С. 13–59.
5. Кварквеня Т.Р. Архитектура Тбилиси. М., 1985. С. 45.
6. Кн. Воронцов М.С. и Муравьёв Н.Н. Из служебных воспоминаний М.П. Щербинина. Санкт-Петербург : Русская старина. 1874. Т. XI. С. 100–101.
7. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Ленинград, 1988. С. 513–514.

Zakharova O.Yu. THE INTERACTION OF EUROPEAN AND EASTERN TRADITIONS IN THE CULTURAL LIFE OF THE CAUCASUS 40 - 50-IES OF THE XIX CENTURY

The features of the cultural life of the Caucasus of the 40s – 50-ies of the XIX century are analyzed in the context of the interaction of elements of the Eastern and European civilization. A special place in the study is given to activities in the region of Prince MS Vorontsov, who, as the Governor-General of the Novorossiysk Territory and the Bessarabian Region since 1823, was appointed at the end of 1944 as a Caucasian viceroy.

M.S. Vorontsov is one of the eminent statesmen of his time, the study of whose biographies allows for a different look at long-known historical facts, including the relationship of the local elite with representatives of central authorities.

The activity in the Caucasus of well-known European scientists is considered: Professor of the University of Dorpat G.V. Abih, who made the ascent of Ararat in 1845; the author of the "Chechen Primer" (Tiflis, 1866) I.A. Bartholomew; Orientalist N.V. Khanykova, whose note on the study of languages and dialects of the Caucasus was awarded in Paris a large golden honey-geographic society.

A description of the national holidays that took place in Tbilisi — ta-mash (fist fights) and xenob (carnival), and secular ceremonies — the ball of the Georgian nobility in 1850, and a reception at the Echmiadzin Monastery, on the occasion of the arrival of the heir to the Caucasus.

Currently, we are not aware of individual studies devoted to this problem.

The paper analyzes the works of A.D. Ershova, T.R. Kvirkvelia, as well as published sources: the memories of Prince A.A. Dondukova-Korsakova, V.V. Solloguba, M.P. Shcherbinina.

Key words: *Caucasus, culture, Europe, East, MS Vorontsovs activity.*